https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-33-46
УДК 1:316.647.5
ББК 87.703.5
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. О.В. Сарпова
г. Тюмень, Россия

© 2026 г. Р.Х. Касимов
г. Тюмень, Россия

ИСТОКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ПОИСКИ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ДРЕВНЕРУССКИХ ФИЛОСОФОВ XI–XII ВВ.

Аннотация: Теоретические установки, утверждающие априори нетолерантность традиционных обществ, не всегда корректны. В каждой культуре признаки того или иного явления могут проявляться по-разному. Автор утверждает, что в качестве основы толерантных отношений в древнерусском государстве выступают не только нравственные принципы, но и идея единства, которая проявилась первоначально в индивидуализированном коллективизме и усилилась в обществе с принятием христианства. Первые древнерусские философы реализуют ее в своей деятельности и творчестве. Идея единства присуща всем аспектам историософских рассуждений Илариона. Феодосий Печерский проявляет ее в гармонии молитвенной и деятельной жизни. Лука Жидята совместно с ними призывает к терпению и примирению. Владимир Мономах, вооруженный примером братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба, не только утверждает наличие в мире «многообразия лиц», но и демонстрирует способность прощать, позволяющую восстанавливать мирные взаимоотношения с политическими противниками. Идея единства, в высшей степени проявленная в образе Святой Троицы, в начальный период существования древнерусского государства еще не осознана в полной мере и не стала основополагающим мотивом деятельности общества в XI – начале XII вв. Древнерусские философы продолжат осмысливать идею единства. В конце XIV в. сформируется полное осознание единства Святой Троицы и единства общества, которое позволит не только отстоять свою независимость, но и создать государство, в котором сохранится многообразие народов и их культур.

***Ключевые слова*:** толерантность, единство, традиционное общество, древнерусская философия

Информация об авторах: Ольга Васильевна Сарпова — кандидат философских наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, ул. Володарского, д. 38, 62500 г. Тюмень, Россия.
ORCID ID: https://orsid.org/0009-0004-7159-2362
E-mail: sarpovaov1962@yandex.ru

Руслан Харисович Касимов — доктор философских наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, ул. Володарского, д. 38, 62500 г. Тюмень, Россия.
E-mail: rhkasimov@mail.ru
Дата поступления статьи: 10.11.2025
Дата одобрения рецензентами: 01.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Сарпова О.В., Касимов Р.Х.* Истоки толерантности: поиски по произведениям древнерусских философов XI–XII вв. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 33–46. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-33-46

Обращение к проблеме толерантности неслучайно. Обостряющееся противостояние разнохарактерных сил в мире заставляет задуматься над необходимостью определения толерантности, ее подлинной сущности и проявлений в вербальной и невербальной формах. С другой стороны, обращение к ценностям традиционного общества заставляет по-новому осмыслить проявление в нем данного феномена. Пересматривается и сам концепт «традиционного общества», которое, будучи аграрным, значительно отставало в своем развитии от обществ модерна во всех областях: экономике, политике, культуре и социальных отношениях.

Однако «понимание традиционных обществ сквозь призму сциентисткой веры в прогресс представляется необоснованным и примитивным» [8, с. 54]. По мнению В.Г. Федотовой, в настоящее время модерн переживает свой третий этап, который учитывает «собственную традицию и культуру вступивших в этот процесс незападных стран» [25, с. 85]. Паин Э.А. не только указывает, что прямое противопоставление традиций и инноваций ошибочно, но и утверждает, что «традиционные общества <…> обладают такими чертами, которые потом считаются современными» [18, с. 41].

Следовательно, мы можем утверждать, что традиционные общества имеют в своем запасе культурные наработки, которые позволяют им успешно адаптироваться к реалиям современного мира, выстраивая собственный образ и направление развития.

Однако рассмотрение феномена толерантности в традиционном обществе с точки зрения его теоретических характеристик вызывает определенное противоречие, суть которого в том, что данное общество априори принято считать нетолерантным. Это утверждение обосновывается низким уровнем развития экономики, которая при невозможности иметь запасы позволяет выживать обществу только в том случае, если его члены используют исключительно проверенные поколениями методы ведения хозяйства [19]. Любое отклонение, то есть новшество, может привести к отрицательному результату, ведущему к гибели сообщества. Поэтому в традиционных обществах существует жесткая необходимость следования образцам деятельности и поведения, которая подкрепляется и усиливается сакрализацией традиции.

В исследованиях концепта толерантности указывается, что в западной философии она начинает рассматриваться с XIV в. в трудах Майстера Экхарта, И. Таулера и продолжается в уже XVI–XVII вв. С. Франком (1534), Г. Чербери (1645), У. де Коста (1687 г.), Дж. Локком (1689 г.) в связи с расколом католической церкви и религиозными войнами в Европе (см. об этом [22]).

В России первые определения толерантности появляются позднее. Тихон Задонский (1724–1783) под толерантностью понимал всепрощение, отсутствие мести, насилия [5, с. 54]. Просветитель А.П. Куницын (1783–1840) писал: «На праве свободно мыслить и действовать основывается право свободного вероисповедания» [11, с. 237].

Более глубокое и детальное раскрытие сущности толерантности и ее понимания в русской культуре связывают с именами Н.Я. Данилевского, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. Многие из философов Серебряного века указывали на взаимосвязь нравственных качеств и толерантности (см. об этом: [9]). Н.Я. Данилевский отмечает, что в период освоения восточных территорий русскими «слабые, полудикие и совершенно дикие народы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное право» [3, с. 227]. Причина этому — «кроткий дух христианства» [3, с. 225], воспринятый и сохраненный славянами, в отличие от западноевропейских народов. В данном случае речь не просто о понимании сущности толерантности, а о ее проявлении в действии, что является более ценным.

Эти суждения безусловно имеют свои основания в предшествующей эпохе русской истории. В данной работе предлагается выявить истоки толерантности в трудах древнерусских философов XI–XII вв., отражавших в своем творчестве реальность социальных отношений и общественного сознания традиционного периода нашей истории.

В отношении древнерусских текстов принципиально использование термина «словесность». Согласно мнению А.Н. Ужанкова, разграничивающего словесность и литературу на основании этимологии понятий «древнерусская словесность <…> — это Богооткровение» [23]. Этот подход позволяет более глубоко выявить аксиологическую сторону древнерусского текста и придает еще большую значимость для современности тех идей, которые в ней заложены.

Одним из первых текстов, на котором хотелось бы остановиться, является «Поучение детям» Владимира Мономаха, для которого, с одной стороны, характерна присущая средневековым текстам опора на предшественников, свидетельствующая о высокой образованности автора. С другой стороны, явственно выступает глубокое понимание социальных реалий и собственное отношение к ним. В начале текста присутствует размышление Мономаха о разнообразии человеческих лиц, что было распространенным мотивом в средневековой литературе. Это замечание важно, поскольку у Мономаха оно вплетено в рассуждение об устройстве мира.

Дореволюционные исследователи считали, что данная реминисценция восходит к широко известному произведению «Беседы на Шестоднев» Василия Великого (329–379 гг.) [4, с. 97]. Однако В.В. Данилов полагает, что данное заимствование осуществлено прямо или, скорее всего, опосредованно из «Октавия», принадлежащего перу раннего христианского апологета Минуция Феликса и написанного в 215 году [4, с. 107].

Минуций, утверждая «прекрасное устройство мира <…> созданным <…> божественным промыслом», его «дивное равновесие», перечисляет многообразные его проявления (времена года, плоды, реки, океан, горы, животных) и «у всех людей один и тот же вид, но у каждого человека свои отличительные черты лица: так мы видим, что все похожи друг на друга и в каждом в отдельности находим различия» (Цит. по: [4, с. 104–105]). По сути речь идет о взаимосвязи, гармонии мира и многообразии, которое идет от Бога. Минуций ведет речь именно о внешности, красоте человеческого тела, упоминая прямой стан, лицо, глаза.

Мономах практически повторяет Минуция «как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, каждый имеет свой облик лица,

по божьем мудрости», и далее добавляет «птицы небесные из рая идут <…> и не поселяются в одной стране <…> идут по всем землям» [29, с. 62]. Так и люди с разными лицами селятся в разных землях.

Иначе говоря, мир разнообразен в человеческих лицах по Божьему повелению. Для Мономаха разнообразие лиц не просто плод размышлений, но и жизненный опыт, основа для отношения с людьми, имеющими разный облик лица: финно-угорские племена, тюркоязычные народы, варяги, греки, волжские булгары с их достаточно сложным этническим составом. По мнению Мономаха, таково устройство мира, которое он принимает и дивится этой многоликости, предвосхищая современный подход к пониманию многообразия мира.

Другой аспект толерантности у Мономаха связан с нравственной стороной жизни христианина.

Владимир Мономах в своем «Поучении» значительное место уделяет именно нравственному отношению человека к самым разным социальным группам: старшим и младшим; близким и далеким; воинам и гражданским («не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам» [29, с. 63]); простолюдинам и знатным: «не давайте сильным губить человека» [29, с. 62]. Для Мономаха, подчеркнем, это не пустые слова — он так живет. Христианскими нравственными нормами пропитана его жизнь. В междоусобной войне с рязанским князем Олегом Святославовичем, убившем в бою его сына-наследника Изяслава, Владимир Мономах отказывается от мести: «мы не будем за него мстителями» [28, с. 69]. Он понимает и фактически оправдывает убийцу: «Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из наших предков» [28, с. 70]. Владимир Мономах вырастил сына-воина, он гордится им и осознает, что смерть для воина на поле боя не исключение, а скорее правило. Мономах призывает к прощению, примирению, необходимости смирения и покаяния. Способность прощать позволяет человеку преодолеть свою злобу, ненависть к обидчику, что дает возможность восстановления или установления мирных взаимоотношений.

Для Мономаха и княжеской верхушки Древней Руси примером был подвиг Бориса и Глеба. Братья, единственные законные наследники, с детства впитавшие власть, ее преимущественное положение в обществе, помогающие в управлении своему отцу, имевшие свои княжества и дружины, оказываются от власти добровольно и погибают от рук убийц.

Это событие описано в двух произведениях. В «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», созданном Нестором-летописцем, делается акцент на нежелании княжичей стать возможными участниками гибели дружинников и мирных жителей в братоубийственной войне за власть.

Но в значительно более распространенном произведении анонимного автора «Сказание, страсть и похвала святых мучеников Бориса и Глеба» речь не идет о героической гибели, а подчеркивается смирение, трепет братьев в ожидании смерти, их прощение своих убийц. В описании их поведения отсутствует любой намек на героическую гибель. Силу братьям придает понимание того, что их вольная смерть — это страдание во имя Христа, что их «вольное мучение есть подражание Христу» [24, с. 5]. В уста Бориса «Сказание» вкладывает слова: «буду мучеником перед Господом моим» [31].

Добровольное принятие смерти означает не слабость княжичей, не объясняется их трусостью, а говорит, по мнению В.В. Бибихина о нежелании «идти на противление злу <…> отвратительно вступать в прения с властью, если она такая (злая, страшная. — *О.С.*) <…> прилипчивее заразы» [1, с. 71]. Единственный выход не стать злом

для Бориса и Глеба — это «принять <…> удар с помощью самоубийственного средства, за которое схватились Борис и Глеб: смирение, молитва, беззащитная чистота» [1, с. 71]. Их вера в Христа и его заповеди не поверхностна, она глубоко осознанна. Как «сын Человеческий пришел не для того, чтобы ему служили, но, чтобы послужить и отдать Жизнь Свою для искупления многих» (Мк. 10: 45), так и братья принимают смерть, примиряя в будущем себе подобных.

Образы Бориса и Глеба для княжеской верхушки становятся эталоном «"правильного" политического поведения» и критерием «объективной <…> и справедливой оценки» участника властных отношений [21, с. 26].

Урок, преподанный Борисом и Глебом, всем жаждущим власти, был выучен. Примерно два века «Рюрикович перестали убивать Рюриковичей», а междоусобные войны стали «сравнительно цивилизованными» [10].

Всенародное почитание Бориса и Глеба началось практически сразу после их гибели. Несмотря на неприятие константинопольских иерархов, твердая вера в своих новых святых позволила преодолеть канонические сомнения греков, «несклонных поощрять религиозный национализм новокрещенного народа» [24, с. 34] и причислить княжичей к лику святых.

Глубина почитания Бориса и Глеба ярко проявляется в посвящениях им храмов и монастырей. Из 864 посвящений в современной России храмы в честь Бориса и Глеба занимают 47 место, что составляет 0,46 процента [33]. На первый взгляд это очень немного.

Но, если сравнить с другими посвящениями, то окажется, что братья, не успевшие себя проявить как государственные или церковные деятели, оказались рядом с преподобными Сергием Радонежским, Александром Невским, Серафимом Саровским, митрополитами Московским Алексием, ростовским Дмитрием и равноапостольным князем Владимиром [33].

Строительство храмов в честь братьев продолжалась на протяжении всего существования Российского государства, в том числе и на присоединяемых территориях. В 1601 г. в Тюмени (через 15 лет после основания города) была построена деревянная шатровая церковь Ильи Пророка, в которой по просьбе прихожан сделан придел Бориса и Глеба [20, с. 78].

Этот факт показывает, что для древнерусских книжников (Владимира Мономаха, неизвестного автора «Сказания» и других) и древнерусского общества нравственные основания поведения княжичей были поняты и приняты к действию.

Осознанный выбор христианства князем Владимиром совпадал с ментальными установками древнерусского общества и, возможно, именно поэтому сущность христианства была чутко воспринята. На это соответствие указывает исследование, проведенное Ж.В. Зарицкой в отношении специфики русского коллективизма. Она отмечает, что в древнерусском обществе изначально не существовало противопоставления коллективного и индивидуального. Еще в дохристианский период «система ценностей, сложившаяся в крестьянской общине <…>, включала в себя коллективистские и индивидуалистские компоненты» [6, с. 50].

Христианское вероучение «усилило единство индивидуального и коллективистского начал, подведя под каждый компонент дополнительную ценностно-мировоззренческую основу» [6, с. 52]. Произошло совпадение терминальных и инструментальных ценностей общины и православия при «частичной переориентации с "земных" целей на "небесные" <…> земледельческий труд стал считаться сакральным, воспринима-

ясь как способ и условие спасения души» [6, с. 52]. Православие по сути расширяло социальные связи до всего человечества, объявляя всех верующих братьями и сестрами во Христе. Идея равенства перед Богом подчеркнула демократизм общины, но и усилила патернализм в отношении верховной власти. Добровольное служение общине подкреплялось утверждением о возможности достижения «индивидуально-коллективных целей каждого гражданина <…> через индивидуально-коллективное взаимодействие людей внутри группы» [6, с. 53]. Ж.В. Зарицкая называет синтез коллективизма и индивидуализма, в котором «личность и группа имели равную ценность, были <…> нераздельны и неслиянны» [6, с. 53], *индивидуализированным коллективизмом,* где «цель должна быть не материальной, а высокой, благородной, неэгоистичной, несущей добро всем людям. Духовная связь между членами группы была приоритетнее социально-экономической» [5, с. 53].

Таким образом, мы видим, что уже на начальной стадии формирования древнерусского традиционного общества закладывается важнейшая черта социальных отношений: идея единства, которая, на наш взгляд, и становится в дальнейшем основой для формирования толерантных отношений.

Высшая степень проявления единства в православии проявлена в Троице, единстве Бога в трех его ипостасях. Однако до Сергия Радонежского поклонения Троице и соответственно посвящений ей храмов на Руси не было. Исключение составлял храм в честь святой Троицы, построенный по приказу княгини Ольги в Пскове.

Однако мысль о проявлениях единства в самых различных его формах не была чужда древнерусской философской мысли.

В житии свт. Феодосия Печерского (ок. 1008 или ок. 1036–1074) явственно проявляется стремление «к некой гармонизации деятельной и молитвенной жизни» [24].

Подражая палестинским монахам, очистившим от крайностей египетский и сирийский духовный монашеский идеал, свт. Феодосий активно участвует в социальной жизни общества. По его настоянию строится дом «нищим, слепым, трудоватым», на который идет десятая часть всех монастырских доходов, еженедельно отправляется в Киев «воз хлебов для заключенных в тюрьмах» [24]. В поучении «В четверг третьей недели поста» Феодосий ссылается на притчу о десяти девах, пять из которых прославились не только молитвою, но и милостынею, за что и вошли в чертог Божий. Другие пять дев, «молитвами истончили плоть свою, а масла милостыни не принесли в светильник душ своих, и потому были изгнаны из чертога» [30].

Особая забота свт. Феодосия — спасение душ человеческих: он выступает как духовник киевского князя и бояр, просит монахов «не расслаблятися, но крепку быти», но не прибегает к наказаниям оступившихся, напротив, «плачет о них, а возвращающихся (после бегства из монастыря. — *О.С.*) принимает с радостью» [24]. Ключевое слово здесь в контексте изучаемого вопроса «принимает». Феодосий принимает слабого, не выражает своего осуждения. Но, своим принятием, прощением он дает новый шанс оступившимся.

Собственное духовное делание свт. Феодосий не обнаруживает явно, его аскетичность потаенна: «одеждой ему служила власяница», сверху покрытая свитой, поспать «садился на стульце» [26], спит мало, молится ночами, скрывая это от братии, в затвор уходит только на время Великого поста, не забывая даже оттуда поучать братию монастыря. Феодосий постоянно находит для себя занятие: «на работу он выходил прежде всех» [26], носит воду, колет дрова, мелет муку, плетет бечеву [26], зачастую выполняя работу, когда другие отдыхают. Он служит примером для братьев.

Федотов Г.П. справедливо применяет к Феодосию оценку, данную когда-то палестинскому свт. Савве Освященному — «Земной ангел и небесный человек» [24]. Это и есть проявление высшего единства в жизни человека.

Современником Феодосия Печерского был первый митрополит из русских Иларион (около 990–1054 или 1055 г.), утверждающий свою веру «во единого Бога, в Троице славимого <…> Не сливаю разделения и соединения не разделяю» [27].

Пересказанный Иларионом Символ веры реализуется им в рамках историософской проблематики. Опираясь на христианский принцип провиденциализма и линейного развития истории, митрополит Иларион вносит свой вклад в понимание исторического процесса. В соответствии с его представлением «история человечества движется через смену форм религий» [12, с. 51]. Для иллюстрации этой мысли митрополит Иларион использует библейский сюжет о соотношении Ветхого и Нового Завета, в котором видит «два различных принципа общественного устройства» [12, с. 51]. Первый основан на принципе Закона, что в понимании митрополита «возвышает один народ … принижает другие … разобщает» [12, с. 51–52] и подчиняет другой воле. Общество закона — рабское общество. Но «Закон – предтеча Благодати и Истины» [32]. Однако народы, взросшие в Законе, не могут принять Благодать, которая открывается язычникам и принимается ими. Для пояснения своих рассуждений Иларион обращается к библейскому сюжету о новом вине, который нельзя вливать в ветхие мехи. Новые народы, как новые мехи, принимают Благодать, а на смену рабства приходит свобода: «И уже не теснится в законе человечество, но в Благодати свободно ходит» [32]. Таким образом, Иларион подготавливает читателей к дальнейшему повествованию о месте и роли Руси в мировой истории.

Прежде всего следует отметить факт выбора историософской проблематики, свидетельствовавшего об объединении двух проблем «история и предназначение в ней человека» [7, с. 198]. В тоже время история древнерусского государства рассматривается митрополитом Иларионом в единстве с мировой христианской историей, в которой у Руси есть свое место, предназначение и собственное отношение к прошлой истории. Если переход к христианству в еще единой Римской империи был связан с резким разрывом с языческим прошлым, отрицанием его духовных (философских, за редким исключением, художественных, научных) достижений, то Иларион, напротив, с уважением отзывается о прошлом Руси.

Славя Владимира, Иларион упоминает его предков: «…древнего Игоря, <…> славного Святослава, которые властвуя мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их вспоминают и прославляют поныне» [32]. Сам же князь Владимир «будучи рожден от славных, благородный — от благородных» [32] и еще пребывая язычником, по определению Илариона, жил «в мужестве и мудрости преуспевая <…> жил он справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою» [32]. Иными словами, у Владимира уже в этот период жизни проявляются качества, которые были важны для христианина: справедливость, твердость, мужество, забота о своей земле и соотечественниках.

Поскольку предки Владимира внесли свой вклад в могущество страны, то «стали причастны к великому делу» [14, с. 106] князя. Таким образом, формулируется идея единства прошлого и настоящего Руси, история которой вплетается, в свою очередь, в единую «мировую историю в связи с христианизацией» [14, с. 100].

В контексте размышлений о толерантности и единстве важны рассуждения Илариона о равенстве «молодых» народов с народами, имеющими глубокое культурное

наследие. Критика превосходства одних народов над другими отчетливо звучит в описании возгордившихся сторонников «закона» — иудеев. Народы, принявшие Христа, в том числе и русский народ, «названы сынами его (Бога. — *О.С.*)» [32]. Так складывается единая семья христианских народов. Концепция адоптионизма в последующие века нашла свое отражение в миссионерской деятельности Стефания Пермского и учеников Сергия Радонежского, осуществляясь силой слова о добром, милосердном, справедливом Боге и сопровождаясь терпением и заботой о культурном развитии молодых народов, принимающих христианство. Новая политическая сила в лице Московского княжества, а затем и Российского государства не будет использовать христианство для закрепощения и ограбления этих народов, уничтожения их культур и тем более, для их уничтожения.

Иларион негативно относится к концепции «казней Божиих». Новообращенный народ не всегда в полной мере выполняет нормы христианской жизни: «Ведь мы все уклонились, все вместе непотребны» [27]. Иларион, обращаясь к Богу просит: «Но по делам нашим не сотвори нам, <…> и по грехам нашим не воздай к нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева своего» [27]. Бог для Илариона — милосердный и всепрощающий, а не карающий. Иларион даже отмечает, что чрезмерное наказание может привести новообращенного к отказу от веры, а потому «в меру наказывай, но безмерно милуй, в меру уязвляй, но милостиво исцеляй, в меру ввергай в скорбь, но вскоре утешай» [27].

Еще одним из элементов проявления идеи единства являются рассуждения Илариона о симфонии или соработничестве светской и церковной власти на Руси.

Создавая образ князя Владимира, уверовавшего благодаря «благомыслию и острому уму» [32] и «силе Божией», Иларион указывает, что князь для своих подданных выступает как «наставник благоверия», как представитель Бога на Земле, демонстрирующий крепость веры не только на словах, но в делах: «Ты, о честная глава, был нагим — одеяние, ты был алчущим — насыщение, ты был жаждущим — охлаждение их утробы, ты был вдовам — вспомоществование, ты был странствующим — обиталище, ты был обидимым — заступление, убогим — обогащение» [32]. «Успех христианизации страны объясняется соединением в одно целое у Владимира благоверия и власти» [7, с. 202]. По мнению О.Б. Ионайтис, «для Илариона божественность власти — божественность деяний, что выражено в русских текстах более, чем в византийских» [7, с. 201–202]. Князь Владимир в полной мере соответствует этому принципу, который можно сформулировать как единство слова и дела. При этом «Слово» вполне можно написать с большой буквы, подчеркивая его принадлежность к Богу.

Оценивая историософскою модель Илариона, В.В. Мильков констатирует: «божественный и земной планы не противопоставляются друг другу. Он предельно сближены, почти взаимно проникают друг в друга» [14, с. 108].

Иларион был любимым книжником Ярослава Мудрого и помогал князю в составлении законодательных актов. Несмотря на попечение со стороны Византии, где к этому моменту было разработано жесткое законодательство для борьбы с религиозным инакомыслием, Ярослав и Иларион опирались не на греческую практику, а на «Закон судный людям» солунских братьев [15, с. 146–147]. И потому там отсутствовали «жестокие наказания (смертная казнь, физические увечья)» [15, с. 146].

Таким образом, важно не только то, «какие греческие традиции получили развитие на Руси, а о том, как они взаимодействовали с автохтонной культурой» [16, с. 16].

Несмотря на то, что идея единства, выраженная в произведениях Илариона, касается вопросов и проблем, которые связаны с деятельностью знати и образованных

людей древнерусского общества, она опосредованно влияла на сознание и деятельность рядовых членов общества.

Соработником Феодосия и Илариона был новгородский епископ Лука Жидята. Начиная свое «Поучение» с Символа Веры, Лука Жидята концентрирует свое внимание на практике нравственного поведения. Его речь тактична, деликатна, кротка и снисходительна, в ней нет места обличению. Лука стремится не заклеймить не соблюдавших требования Евангелия новгородцев, а научить, показать, что «исходным посылом межличностных отношений должны быть не гордость, вражда, месть и озлобление, но правдивость и любовь к ближнему, а также порождаемые любовью терпение и прощение» [17, с. 76]. Как и Иларион, Жидята терпимо относится к современникам, не так давно приобщившимся к новой вере. Его «этика <…> мягкая и легко воплощаемая в жизни» [17, с. 78]. Лука Жидята осознавал некрепкость веры новообращенного народа, наличие в ней множества языческих пережитков. Проявления язычества в поведении населения сохранялись длительное время, но «эти верования вполне вписываются в общий контекст православия и в сакральном восприятии мира народом совсем не противоречат, а как бы дополняют христианское вероучение» [13, с. 104].

По мнению В.В. Милькова, в «Поучении» «устами владыки была озвучена программа примирения»: для верующих вообще, для верхов Великого Новгорода, для Новгорода и Киева как двух сильных центров древнерусского государства» [17, с. 76].

Важность идеи единства для формирования толерантных отношений в обществе, несомненно, важна. Ее наличие не просто сплачивает людей. Она не разделяет общество по принципу свой-чужой, она минимизирует различия между людьми, заставляет искать нечто общее: общие предки и история, общие принципы проведения, выражающиеся в деятельности, соответствующей возможностям и положению каждого члена общества, одинаковое отношение к достоинствам и недостаткам каждого на основе нравственных принципов, имеющих абсолютное значение вне зависимости от социального статуса и эпохи и предельно четко закрепленных в христианстве.

Древнерусских книжников, по определению А.Я. Гуревича, можно назвать не героями, а герольдами эпохи [2, с. 507]. В силу своей более высокой интеллектуальной подготовленности, созерцательности они были способны вербально выразить те духовные веяния, которые не осознавались широкими общественными слоями, но присутствовали в поведении и деятельности людей.

В XII–XIII вв. другие книжники (Кирилл Туровский, Кирик Новгородец, составители «Палеи Толковой) расширят спектр проблем, в которых идея единства продолжит свое звучание и осмысление.

В полной мере осознание идеи единства обществом произойдет во второй половине XIV в. при прп. Сергии Радонежском и проявится в Куликовской битве. Вершиной станет возникновение Российского государства, в истории которого не было религиозного угнетения и религиозных войн, где на присоединяемых территориях сохранялась культура местного населения, включая язык, веру, социальный уклад, бытовые традиции, и в конечном счете, складывались толерантные отношения между народами, имеющими различные духовные основания. Это была толерантность в действии, основы которой закладывались в рамках традиционного общества. Это означает, что теоретическая установка, утверждающая характеристику традиционного общества как общества не толерантного по своей сути некорректна. Общие признаки традиционного общества, выделяемые создателями данной концепции, проявляются в разных культурах в разной степени.

Список литературы

Исследования

1 *Бибихин В.В.* Власть России // Наше положение: образ настоящего. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. С. 67–79.

2 *Гуревич А.*Я. Уроки Люсьена Февра // *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501–541.

3 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации; Благославление, 2011. 816 с.

4 *Данилов В.В.* «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома). РАН http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/05_tom/Danilov/Danilov.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

5 *Емельянов Б.В.* Русский менталитет: возможности толерантности // Философские и лингвокультурные проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2003. С. 48–57.

6 *Зарицкая Ж.В*. О специфике русского коллективизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 3. С. 48–54.

7 *Ионайтис О.Б*. Философия истории средневековой Руси (XI–XVII вв.) // Известия Уральского ферального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. №3. С. 196–211.

8 *Капишин А.Е.* О понятии «традиционное общество» в социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2005. №6. С. 53–56.

9 *Касьянова Е.И* Социально-философские основания толерантности: автореф. дис. … д-ра. филос. наук. Улан-Уде, 2009. 46 с.

10 *Кизим А.* О значении подвига братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба // Журнал «Самиздат». URL: https://samlib.ru/k/kizim_a_w/boris_i_gleb.shtml (дата обращения: 11.03.2025).

11 *Куницын А.И.* Правоестественное 1818–1820 // Русские просветители: (от Радищева до декабристов). Собрание соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 204–242. URL: https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/HASH6f4c570c2bfc977802bf32 (дата обращения: 10.02.2025).

12 *Лемешко Т.*А. Становление историософских идей в Древней Руси: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // Культура и цивилизация. 2016. №12 (2). С. 50–55.

13 *Лукьяненко А.А.* Философская рефлексия диалектики исихазма и славянской мистерии в качестве сакрального ядра древнерусской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №3 (65): в 2 ч. Ч. 2. С. 102–105.

14 *Мильков В.В.* Осмысление истории Древней Руси. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1997. 197 с.

15 *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI. 2009. №4. С. 112–155.

16 *Мильков В.В.* Ноуменальная философия и Древняя Русь. Введение. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. №4. С. 15–21.

17 *Мильков В.В.* Поучение Луки Жидяты — древнейшая русская проповедь // Вестник славянских культур. 2012. №4 (XXVI). С. 73–82.

18 *Паин Э.А.* Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37–54.
19 *Перцев А.*В. Этика глазами агронома, или археология российской нетолерантности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2006. № 4. С. 42–53.
20 *Семенова В.И.* Деревянное культовое зодчество в Тюмени в XVII веке // Вестник культуры и искусства. 2002. № 4 (72). С. 76–81.
21 *Соловьев К.А.* Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях Древней Руси XI – начала XII века // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 14–33.
22 *Сумина Е.С.* Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 3. С. 36–40 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolerantnosti-kak-komponent-russkoy-filosofskoy-kartiny-mira (дата обращения: 18.01.2025).
23 *Ужанков А.Н.* Древнерусская книга — беседа Бога с человеком. Беседы о русской литературе // Православие.Ru. URL: http://www.pravoslavie.ru/77689.html (дата обращения: 14.10.2024).
24 *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси // Азбука веры. https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/ (дата обращения: 04.09.2024).
25 *Федотова В.Г.* Модернизация и традиция // Знание, понимание, умение. 2014. № 2. С. 85–91.

Источники

26 Житие Феодосия Печерского // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-1/5 (дата обращения: 16.04.2025).
27 Иларион Киевский Исповедание веры // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Kievskij/ispovedanie-very/#source (дата обращения: 23.01.2025).
28 Письмо Мономаха к Олегу Святославовичу // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. С. 68–70.
29 Поучение Владимира Мономаха // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. С. 59–68.
30 Поучения и молитва Феодосия Печерского // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-1/6 (дата обращения: 08.04.2025).
31 Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/books/21820-skazanie-i-stradanie-i-pohvala-svjatym-muchenikam-borisu-i-glebu/ (дата обращения: 12.11.2024).
32 Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома). URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868 (дата обращения: 19.02.2025).
33 Статистика по наименованиям (посвящениям) храмов // Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20141025140154/http://temples.ru/names_stat.php (дата обращения: 22.06.2025).

***

© 2026. Olga V. Sarpova
Tyumen, Russia

© 2026. Ruslan H. Kasimov
Tyumen, Russia

THE ORIGINS OF TOLERANCE: A SEARCH THROUGH THE WORKS OF OLD RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE 11th – 12th CENTURIES

Abstract: Theoretical assumptions that a priori assert the intolerance of traditional societies are believed to be not always correct. In each culture, the signs of a particular phenomenon may vary. The authors claims that tolerance in the Old Russian state is based not only on moral principles, but also on unity, which first expressed in an individualized collectivity and intensified in society after Christianity had been adopted. The first Old Russian philosophers implemented the idea in their activities and creative work. The idea of unity is inherent in all aspects of Hilarion's historiosophical reasoning. Feodosy Pechersky demonstrated it in the harmony of his prayerful and active life. Luka Zhidyata calls for patience and reconciliation together with them. Vladimir Monomakh, inspired by the example of the martyred brothers Boris and Gleb, not only affirms the existence of "diversity of persons" in the world, but also demonstrates the ability to forgive, which allows restoring peaceful relations with political opponents. The idea of unity, which was expressed to the highest degree through the image of the Holy Trinity, had not yet been fully understood or by the early Russian state in the 11th and early 12th centuries. Old Russian philosophers continued to interpret the idea of unity. At the end of the fourteenth century, full awareness of the unity of the Holy Trinity and the unity of society which would allow not only to defend independence, but also to create a state that would preserve the diversity of peoples and their cultures.

Keywords: tolerance, unity, traditional society, ancient Russian philosophy

Information about authors: Olga V. Sarpova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Industrial University of Tyumen, Volodarskogo St., 38, 625000 Tyumen, Russia.
ORCID ID: hppts://orcid.org/0009-0004-7159-2362
E-mail: sarpovaov1962@yundex.ru
Ruslan Kh. Kasimov — DSc in Philosophy, Assosiate Professor, Industrial University of Tyumen, Volodarskogo St., 38, 625000 Tyumen, Russia.
E-mail: rhkasimov@mail.ru

Received: October 10, 2025
Approved after reviewing: June 01, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Sarpova, O.V., Kasimov, R.Kh. "The Origins of Tolerance: A Search through the Works of Old Russian Philosophers of the 11th – 12th Centuries." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 33–46. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-33-46

References

1 Bibikhin, V.V. "Vlast' Rossii" ["The Power of Russia"]. *Nashe polozhenie: obraz nastoiashchego* [*Our Position: Image of the Present*]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoi literatury Publ., 2000, pp. 67–79. (In Russ.)

2 Gurevich, A.Ia "Uroki Liusena Fevra" ["Lessons from Lucien Febvre"]. Fevr, L. *Boi za istoriiu* [*Battles for History*]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 501–541. (In Russ.)

3 Danilevskii, N.Ia. *Rossiia i Evropa* [*Russia and Europe*]. 2nd ed. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, Blagoslavlenie Publ., 2011. 816 p. (In Russ.)

4 Danilov, V.V. "'Oktavii' Minutsiia Feliksa i 'Pouchenie' Vladimira Monomakha" ["'Octavius' by Minucius Felix and 'The Teaching' by Vladimir Monomakh"]. *Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma)* [*Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)*]. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/05_tom/Danilov/Danilov.pdf (Accessed 11 March 2025). (In Russ.)

5 Emel'ianov, B.V. "Russkii mentalitet: vozmozhnosti tolerantnosti" ["Russian Mentality: The Possibilities of Tolerance"]. *Filosofskie i lingvokul'turnye problemy tolerantnosti* [*Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance*]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2003, pp. 48–57. (In Russ.)

6 Zaritskaia, Zh.V. "O spetsifike russkogo kollektivizma" ["About the Specifics of Russian Collectivism"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Series: Filosofiia [Philosophy], no. 11, vol. 3. 2013, pp. 48–54. (In Russ.)

7 Ionaitis, O.B. "Filosofiia istorii v srednevekovoi Rusi (XI–XVII vv.)" ["Philosophy of History in Medieval Russia (11th – 17th Centuries")]. *Izvestiia Ural'skogo feral'nogo universiteta.* Series 3: Obshchestvennye nauki [Social sciences], no. 3, 2013, pp. 196–211. (In Russ.)

8 Kapishin, A.E. "O poniatii traditsionnoe 'obshchestvo' v sotsial'nykh naukakh" ["On the Concept of 'Traditional Society' in Social Sciences"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov.* Series: Sotsiologiia [Sociology], no. 6, 2005, pp. 53–56. (In Russ.)

9 Kas'ianova, E.I. S*otsial'no-filosofskie osnovaniia tolerantnosti* [*Socio-philosophical Foundations of Tolerance: DSc Thesis, Summary*]. Ulan-Ude, 2009. 46 p. (In Russ.)

10 Kizim, A. "O znachenii podviga brat'ev-strastoterptsev Borisa i Gleba" ["On the Significance of the Feat of the Passion-bearers Brothers Boris and Gleb"]. *Zhurnal "Samizdat"*. Available at: https://samlib.ru/k/kizim_a_w/boris_i_gleb.shtml (Accessed 11 March 2025). (In Russ.)

11 Kunitsyn, A.I. "Pravo estestvennoe 1818–1820" ["Natural Law 1818–1820"]. *Russkie Prosvetiteli: ot Radishcheva do dekabristov. Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Russian Enlighteners: (from Radishchev to the Decembrists). Collected Works*: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1966. pp. 204–242. Available at: Available at: https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/HASH6f4c570c2bfc977802bf32 (Accessed 10 February 2025). (In Russ.)

12 Lemeshko, G.A. "Stanovlenie istoriosofskikh idei v Drevnei Rusi: 'Slovo o Zakone i Blagodati' Mitropolita Illariona" ["The Development of Historiosophical Ideas in Ancient Rus': 'The Sermon on Law and Grace' by Metropolitan Hilarion"]. *Kultura i tsivilizatsiia*, no. 1–2 (2), 2015, pp. 50–55. (In Russ)

13 Luk'ianenko, A.A. "Filosofskaia refleksiia dialektiki isikhazma i slavianskoi misterii v kachestve sakral'nogo iadra drevnerusskoi kul'tury" ["Philosophical Reflection on

the Dialectic of Hesychasm and Slavic Mystery as the Sacred Core of Ancient Russian Culture"]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (65): in 2 parts, part 2, 2016, pp. 102–105. (In Russ.)

14 Mil'kov, V.V. *Osmyslenie istorii Drevnei Rusi* [*Understanding the History of Ancient Rus`*]. Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences RAS Publ., 1997. 197 p. (In Russ.)

15 Mil'kov, V.V. "Dukhovnaia druzhina russkoi avtokefalii: Ilarion Kievskii" ["The Spiritual Squad of Russian Autocephaly: Hilarion of Kiev"]. Rossiia XXI, no. 04, 2009, pp. 112–155. (In Russ.)

16 Mil'kov, V.V. "Noumenal'naia filosofiia i Drevniaia Rus'. Vvedenie" ["Noumenal Philosophy and Ancient Rus`. Introduction"]. *Paleorossiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh,* no. 4, 2023, pp. 15–21. (In Russ.)

17 Mil'kov, V.V. "*Pouchenie Luki Zhidiaty — drevneishaia russkaia propoved'*" ["*The Teaching of Luke the Jew — the oldest Russian Sermon"*]. Vestnik slavianskikh kul'tur, no. 4 (XXVI), 2012, pp. 73–82. (In Russ.)

18 Pain, E.A. "Mnogokul'turnaia modernizatsiia: evoliutsiia teoreticheskikh vzgliadov" ["Multicultural Modernization: Evolution of Theoretical Views"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, 2009, pp. 37–54. (In Russ.)

19 Pertsev, A.V. Etika glazami agronoma, ili arkheologiia rossiiskoi netolerantnosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6, 2006, vyp. 4. pp.42-53. (In Russ)

20 Semenova, V.I. "Dereviannoe kul'tovoe zodchestvo v Tiumeni v XVII veke" ["Wooden Religious Architecture in Tyumen in the 17th Century"]. *Vestnik kul'tury i iskusstva*, no. 4 (72), 2002, pp. 76–81. (In Russ.)

21 Solov'ev K.A. "Kul't sviatykh Borisa i Gleba vo vlastnykh otnosheniiakh Drevnei Rusi XI – nachala XII veka" ["The Cult of Saints Boris and Gleb in the Power Relations of Ancient Rus` of the 11th – Early 12th Century"]. *Voprosy istorii*, no. 5, 2002, pp. 14–33. (In Russ.)

22 Sumina, E.S. "Kontsept tolerantnosti kak komponent russkoi filosofskoi kartiny mira" ["The Concept of Tolerance as a Component of the Russian Philosophical Worldview"]. *Kontsept*, 2014, Special edition no. 03, pp. 36–40. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolerantnosti-kak-komponent-russkoy-filosofskoy-kartiny-mira (Accessed 18 January 2025). (In Russ.)

23 Uzhankov, A.N. "Drevnerusskaia kniga — beseda Boga s chelovekom. Besedy o russkoi literature" ["The Old Russian Book is a Conversation Between God and Man. Conversations about Russian Literature"]. *Pravoslavie.Ru.* Available at: http://www.pravoslavie.ru/77689.html (Accessed 14 October 2024). (In Russ.)

24 Fedotov, G.P. "Sviatye Drevnei Rusi" ["Saints of Ancient Russia"]. *Azbuka very* [*The ABC of faith*]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/ (Accessed 04 September 2024). (In Russ.)

25 Fedotova, V.G. "Modernizatsiia i traditsiia" ["Modernization and Tradition"]. *Znanie, ponimanie, umenie*, no. 2, 2014, pp. 85–91. (In Russ.)